

Цикл
Михаила Барятинского

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ

Императрица Мария. Восставшая из могилы
Императрица Мария. Сто дней

Михаил БАРЯТИНСКИЙ

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Б24

Серия «Попаданец»

Выпуск 211

Иллюстрация на обложке *Айрата Аслямова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Барятинский, Михаил Борисович

Б24 Императрица Мария. Сто дней : роман / Михаил Барятинский. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 448 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-189319-4

В ноябре 1918 года в далеком Омске появился человек, которого так не хватало белому движению, — лидер, вождь, способный поднять на борьбу с большевиками миллионы людей! Думаете, адмирал Колчак? Нет! Императрица Мария Первая! Юная девушка взвалила на свои плечи ответственность, от которой открестились все мужчины дома Романовых. Рядом с ней человек, знающий все наперед, проживший уже одну жизнь и получивший шанс прожить другую. Рядом с ней — спаситель, друг, помощник, наставник и... муж! Он поможет молодой императрице не повторить чужие ошибки, но не застрахует от совершения своих собственных.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-189319-4

© Михаил Барятинский, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

I

День 5 ноября 1918 года в Омске выдался солнечным. Свинцовые тучи, давившие на город накануне, рассеялись. Выкатившееся на небосвод яркое и круглое, как колобок, солнце способствовало выделению серотонина у горожан, что вкупе с легким морозцем формировало хорошее настроение. Да и город стал как-то светлее и чище.

— Добрый знак, — говорили люди друг другу.

С самого утра празднующаяся публика, которой в Омске было немало — за последние месяцы население города возросло за счет беженцев из центральной России почти на двести тысяч человек, — стала собираться кучками на Дворцовой улице, у Железного моста, в Лермонтовском саду, а главным образом на горке у Свято-Никольского храма. В храме шла служба, а на улице народ живо обсуждал два события: вчерашнее провозглашение Высочайшего манифеста о восшествии на престол Императрицы Марии I и массовые ночные аресты, прошедшие по всему городу. Арестованных было так много, что ими была забита не только городская тюрьма, но и гауптвахта и казармы в крепости. В том, что эти два события тесно связаны между собой, никто не сомневался. Но если по поводу первого в основном высказывались сдержанно, хотя и несколько растерянno, при этом с ностальгией поглядывая на развешавшийся над генерал-губернаторским дворцом Императорский штандарт, то по поводу

второго многие открыто высказывали свое недовольство и непонимание. Если бы гонениям подверглись большевики, а в существовании красного подполья в городе мало кто сомневался, или на худой конец эсеры — известные радикалы, то это еще можно было понять. Но за решеткой оказались и представители всех либерально-демократических партий и движений, да что там говорить, вообще все, кто участвовал в какой-либо политической деятельности.

Это обстоятельство и было причиной обсуждений и споров среди публики поприличнее. Дорогие пальто, офицерские и чиновничьи шинели разделились на два лагеря. Одни утверждали, что это поправление демократических свобод, мол, сейчас не царский режим, ну и традиционно восклицали: «За что боролись?» Оппоненты зло указывали недовольным, что демократические свободы — это анархия и, простите, бардак, особенно в России, что со вчерашнего дня как раз и есть царский режим, ну а за что боролись, на то и напоролись! То-то вас сердешных, борцов с самодержавием, принесло аж из самого Питера в Омск, доборолись на свою и нашу голову.

Публика же попроще не вдавалась в столь высокие материи, а обсуждала совсем другие вещи. На углу Дворцовой и Бухгольца немалая толпа собралась вокруг сухонькой монашки, с воодушевлением повествовавшей о событиях вчерашнего дня, коим она была свидетельницей.

— Вышла она на балкон, голубка, матушка-государыня, краса наша ненаглядная, вся в черном, сиротинушка, тута, значит, и Манифест зачитали. Она ручку подняла и как крикнет: «За веру, за деву Марию, за мной!» И явила чудо! Небеса разверзлись, луч солнечный ударил, и засветилась матушка вся, засияла, аки ангел! Пастырь наш, архиепископ Сильвестр, как увидал, десницы воздел горе и пал на колени. А за ним уж и все православные! А матушка стоит, красавица, а вокруг головы свечение у нее.

— Солнечный зайчик, небось, — снисходительно молвил какой-то молодой человек в студенческой шинели, — оптический обман.

— Какой такой обман? — возмутилась монахиня. — Никакого обману нет! И вот что я вам скажу, люди добрые, это Господь нам послал матушку свою, пресвятую деву Марию, заступницу, в образе государыни нашей, дабы спасла она Русь от антихриста.

Не менее любопытное действо, вызвавшее интерес окружающих своей необычностью для Омска и ощутимо свидетельствовавшее о наступлении новых времен, разворачивалось у гостиницы «Европа». Группа офицеров весьма помятого вида попыталась, как обычно, проникнуть в ресторан, дабы облегчить утренние страдания, но была остановлена метрдотелем.

— Не велено, господа, — объявил он.

— Да что не велено-то? — возмутился кто-то из офицеров.

— Не велено отпускать спиртные напитки до двух часов дня.

— Кем не велено?!!

— Приказ коменданта города, — и, придвинувшись к офицерам, доверительно добавил: — По повелению самой молодой императрицы.

Растерянность офицеров вызвала смех и шуточки со стороны окружающих, а проходивший мимо однорукий поручик бросил:

— Привыкайте, господа, лафа закончилась, хозяйка приехала!

— Да как вы смеете! — рванулся было к нему щеголеватый ротмистр, но другой офицер остановил его:

— Бросьте это, Попов, он из нагана с двадцати шагов из туза пятерку делает.

Ротмистр как-то сразу сник. Да и остальные офицеры, увидев подъехавший казачий разъезд, которых в центре Омска в это утро было необычно много, сочли за лучшее прекратить препираться с метрдотелем и ретироваться.

Ну а в это время виновница всей этой суеты, растрепанная и заспанная, сидела на диване в одном из помещений штаба Сибирской армии, находившегося в генерал-губернаторском дворце, недоуменно разглядывала свои босые ноги и безуспешно пыталась понять, где она находится.

— Кажется, это та комната, куда Болдырев привел нас в день приезда в Омск. Ну да, точно! Бекеша, несомненно, Колина, а шинель чья? Погоны поручика, наверное, Андрея. А почему я без чулок? Вчера Коля принес меня в какую-то ванную комнату, снял туфли, это я помню! Потом мне дали спирта, и больше я ничего не помню! Господи, в каком состоянии платье! Коля! — жалобно позвала Маша.

Дверь распахнулась, вошел Николай, так быстро, как будто ждал ее зова под дверью. И, судя по всему, действительно ждал, и не один. Из-за его спины выглядывали лица Шереметьевского, Попова и еще кого-то. Маша замахала на них руками, и дверь закрылась. Вид ее был настолько комичен и настолько не вязался с ее нынешним высоким статусом, что Николай расхохотался.

— Колька, гад, ну что ты ржешь, как конь? — Маша свирепо посмотрела на него. — Что со мной было?

— Да ничего особенного, устала, переволновалась, замерзла, вот и отключилась.

— Не ври, ты меня спиртом опоил!

— Ну, да, пятьдесят граммов свалят и быка, — опять засмеялся Николай.

— А кто чулки с меня снял?

— Я!

Маша растерянно уставилась на него.

— Подожди, я помню, была какая-то ванная комната, но там мы были не одни!

— Еще был Андрей, Волков, пара штабных офицеров вроде. Надо было попарить тебе ноги, не в чулках же! Да не переживай, они отвернулись!

— Коля, что ты говоришь! — ахнула Маша. — Они отвернулись наверняка после того, как увидели, что ты лезешь ко мне под платье! Какой ужас!

— Ну, знаешь, мне было не до сантиментов! Ты была в таком состоянии, что нужно было действовать быстро. И приличия тут побоку! И вообще, мы ругаться будем или что-нибудь предпринимать?

— Что предпринимать?

— Здрасьте, Маша! Новый год! Ты себя в порядок собираешься приводить? А завтракать? Я лично есть хочу! Надо в гостиницу перебираться, пока на улице народу еще немного. Скоро весь город соберется посмотреть на штандарт.

— Какой штандарт?

— Обыкновенный, Императорский! С орлом! Только он почему-то желтый.

— А какой должен быть? — удивилась Маша.

— Трехцветный, черно-желто-белый.

— Нет, это старый российский флаг, его папá отменил еще в 1896 году. А личный штандарт Императора — желтый. Есть корабельный, а есть дворцовый. Корабельный с морскими картами в лапах у орла, а дворцовый — со скипетром и державой.

Николай покачал головой, удивляясь тому, что кто-то сумел сохранить штандарт. Маша стала приводить себя в порядок.

— Помочь чулочки надеть? — весело поинтересовался Николай.

— Уйди, охальник, — засмеялась Маша, — нет, Коля, серьезно, выйди, пожалуйста. Ты вчера уже сумел, наверное, всех удивить! Вполне достаточно!

До гостиницы добрались быстро, главным образом благодаря Волкову, подогнавшему к дворцу автомобиль в сопровождении полусотни казаков. В гостинице Маше на шею с шумом и визгом бросились Катя и Маруся. А баронесса фон Буксгевден, укоризненно покачав головой, продемонстрировала молодежи образец этикета. Она подошла к Маше, присела

в реверансе и со словами «ваше императорское величество» поцеловала ей руку. Молодая императрица, впрочем, тут же поломала торжественность момента, обняв баронессу и расцеловав ее в обе щеки.

— Софья Карловна, душка, вы были фрейлиной мамá, я прошу вас быть моей статс-дамой!

— Мари! О, боже! Дорогая Мари! Я всегда буду с вами! Если бы Александра Федоровна могла видеть это! Если бы могла! — баронесса вытирала слезы.

— Так, теперь вот еще что, — Маша повернулась к Теглевой. — Шурочка, пожалуйста, сделайте два бантика из голубой ленты и две английских булавки приготовьте!

— Я все сделаю, Машенька, но сначала тебе надо привести себя в порядок, принять ванну, причесаться, позавтракать наконец! Ты со вчерашнего утра ничего не ела! — сердито отчитывала Теглева Машу. — Скоро Шанина придет, а ты совсем не готова!

Машу увели в ванную, а Николай с Андреем направились к себе в номер. Следующие полтора часа прошли в режиме «хватай мешки, вокзал отходит». Суетились официанты, таская из ресторана еду на «царицын» этаж, бегали с утюгами горничные, в числе прочего погладившие мундир Андрею, а Николай, позавтракав, сидел и никак не мог взять в толк, что, собственно говоря, происходит. К чему такая суeta, вчера и то было как-то спокойней. Он выглянул в коридор и чуть не столкнулся с Шаниной. Купчиха шествовала во главе стайки девушек, тащивших какие-то свертки. За ними шел незнакомый высокий военный. Николай шагнул вперед.

— Извините, но вы, собственно, кто?

— Господин офицер со мной, Николай Петрович, — обернулась Шанина.

— Ротмистр Полонский, честь имею, — представился военный.

Николай хотел было поинтересоваться, что с того, но подошедший Деллинсгаузен успокоил его:

— Николай, все в порядке! Ротмистр идет к государыне! Сергей Гаврилович, — обратился он к офицеру, — позвольте представить вам Мезенцева Николая Петровича. Он спаситель государыни, а ныне ее телохранитель. Отсюда и его повышенный интерес к незнакомому офицеру.

— Понятно, — лицо ротмистра смягчилось, — тогда понятно. Видите ли, я в некотором смысле сослуживец государыни по Казанскому полку. Она тогда была еще великой княжной. Вот-с! Я ей саблю нес.

— Саблю? — изумился Николай. — Зачем?

— Меня попросила Шанина, Мария Александровна. Сослалась на великую княжну, то есть, извините, на государыню. С вашего позволения, сударь, я пойду?

— Да-да, конечно! — кивнул Николай и вернулся в номер.

Вслед за ним зашел Деллинсгаузен. Андрей стоял у окна и с интересом смотрел на улицу.

— Вы посмотрите, что творится, — крикнул он, оборачиваясь.

Николай подошел и опешил. Нет, толпы на Любинской не было, поскольку она была оцеплена казаками. Но народу на ней было много. Внизу, напротив гостиницы стояли несколько автомобилей и полтора десятка экипажей и санок, причем явно не извозчичьих. Дополняли картину два десятка коней у импровизированной коновязи, организованной казаками. Между автомобилями и экипажами мелькали генеральские и офицерские шинели, многие с эполетами, то есть явно парадные. И общее их движение шло в направлении входа в гостиницу.

— Что это? — растерянно спросил Николай.

— В холле уже не протолкнуться, — усмехнулся Деллинсгаузен, глядя через его плечо.

— Да что они все съехались-то?

— Николай, вы действительно не понимаете? — поинтересовался барон.

Ответить Николай не успел — в дверь заглянула Катюха.

— Вы чё? Чё ждете? Государыня счас выйдет уже. Идете!

В номере императрицы было людно. Помимо постоянных его обитателей, в гостиной в каком-то нетерпеливом ожидании находились Волков со своим адъютантом, фамилию которого Николай никак не мог вспомнить, полковник Кобылинский, давешний ротмистр, поручик Попов и две незнакомые дамы, которые в компании с баронессой фон Буксгевден о чем-то тихо беседовали с архиепископом.

Из Машиной спальни вышла Шанина и ее девушки, за ними — Александра Александровна. А затем...

— Японский городской!!! — только и мог сказать Николай.

На Маше был военный мундир, точнее — мундирное платье, именно так это называлось в Российской империи. Оно было ему знакомо по фотографии из прежней (или будущей) жизни. Парадный мундир полковника 9-го драгунского Казанского полка. Но сейчас фотография раскрасилась и ожила. Черная кожаная каска с огромным золотым орлом, белый волосяной гребень, темно-зеленый колет (полк когда-то был кирасирским, отсюда и колет) с красными обшлагами и стоячим воротником, белый ремень, белые перчатки, металлические полковничьи эполеты, желтая перевязь с лядункой, синяя юбка в цвет чакчир с тонкими красными вшивками по бокам, имитирующими лампасы. Взгляд Николая зацепился за желтый крестик на груди (точнее под грудью) у Маши — в свое время ему пришлось долго копаться в интернете, чтобы разобраться, что это не награда, а всего лишь полковой знак. Левоу рукой Маша придерживала драгунскую саблю. Николай понял, что именно эту саблю и принес ротмистр, при этом он сразу вспомнил, что на фото в руках у Маши была какая-то другая сабля, с другим эфесом.

Пауза затягивалась. То, что молодая императрица показывает себя, было очевидно, как и то, что, собственно говоря, показывает себя она одному человеку. И если для принадлежавших к «ближнему кругу», сложившемуся вокруг нее за последние две недели, это было уже привычно, хотя может быть и не совсем понятно, то для остальных, мягко говоря, весьма удивительно и даже неприлично. Чтобы мужчина так пялился на даму, тем более императрицу... Но, похоже, саму императрицу это нисколько не смущало. Удивительным был и возникший после паузы диалог.

— Нравлюсь?

— Умереть не встать!

— Николай Петрович! Выражаетесь вы! — попыталась включиться в этот диалог Теглева, все понимавшая и пытавшаяся отвлечь окружающих.

— Что-то не так? — спросила Маша, заметив легкое недоумение в глазах Николая.

— На фото у тебя была другая сабля.

— На фото? — Маша наморщила лоб. — А-а! Я поняла! Там был кирасирский палаш. Его подарил мне папá.

— Но, черт возьми, как? — Николай вновь обвел ее восторженным взглядом. На той фотографии Маше было 14 лет. Это был подарок отца-императора ко дню рождения — свой полк. Девушка-подросток, хотя и выглядевшая старше своих лет, на фотографии была чудно хороша в военной форме. Живая молодая женщина в военном мундире, который удивительно шел ей, была просто сногшибательна. Лишний раз Николай мог убедиться в том, насколько женщинам идет форма, любая. За этой, в общем-то, банальной мыслью пришла другая, о том, что и снимать с женщины форму гораздо приятнее и интереснее, чем цивильное платье.

— Все просто! — улыбнулась Маша. — Колет и юбку сшили у Марии Александровны, а остальное принес Сергей Гаврилович. Оказывается, Николай

Александрович, — она посмотрела на Деллинсгаузена, — был с ним знаком. Сергей Гаврилович командовал 1-м эскадроном в Казанском полку.

От восторга в глазах Николая у Маши даже порозовели щеки. Она хотела еще что-то сказать ему, но возникшая перед ней вконец потерявшая терпение Софья Карловна просто развернула ее в другую сторону — к архиепископу.

— Благословите, отче! — обратилась к нему Маша.

Широко перекрестив ее массивным распятием и дав к нему приложиться, отец Сильвестр сказал:

— Как пастырь, благословляю, а как верноподданный...

Держа в одной руке распятие, а другую положив на Евангелие, он заговорил торжественным речитативом:

— *Я, Архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Его Евангелием, в том, что хочу и должен Её Императорскому Величеству, своей истинной и природной Всемиловитивейшей Великой Государыне Императрице Марии Николаевне, Самодержице Всероссийской, верно и нелицемерно служить...*

«Это же присяга, — сообразил Николай, — только не военная, а гражданская, на верноподданство».

При первых словах архиепископа Маша стала очень серьезной и внимательно его слушала. Закончив читать текст присяги, архиепископ поцеловал распятие и отступил чуть в сторону, как бы уступая место следующему. И действительно, его место занял Волков. Встав по стойке смирно, он положил правую руку на сердце и заговорил:

— *Я, Волков Вячеслав сын Иванов, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред святым его Евангелием в том, что хочу и должен Её Императорскому Величеству, своей истинной и природной Всемиловитивейшей Великой Государыне Императрице Марии Николаевне, Самодержице Всероссийской, верно и нелицемерно слу-*

жить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к Высокому Её Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащая права и преимущества, узаконенные и вперед узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности исполнять.

Её Императорского Величества Государства и земель Её врагов, телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и итурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление, и во всем стараться споспешествовать, что к Её Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может.

Николай одними губами повторял за Волковым текст военной присяги, который совсем недавно, в 1915 году, ему самому, а точнее — деду, приходилось произносить. Только там был император Николай Александрович, а теперь его Маша.

— Об ущербе же Её Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не токмо благо временно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать потищуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предоставленным надо мною начальникам во всем, что к пользе и службе Государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против службы и присяги не поступать, от команды и знамя, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне никогда не отлучаться; но за оным, пока жив, следовать буду, и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному солдату надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий.

В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.

Войсковой старшина поцеловал Евангелие, распятие и склонился к руке императрицы. Маша же поцеловала его в лоб.